

Семья Ли покинула родную деревню в середине апреля. Два дня в пути, еще день на поиски жилья, а затем — бесконечные хлопоты: ремонт крыши и стен, постройка навеса для мула, покраска дверей и окон, побелка комнат известью, оклейка окон новой бумагой, заказ мебели... Пока всё привели в порядок и окончательно обустроились, наступил конец месяца.

Дольше всего пришлось ждать ложа, и оно же стало самой крупной тратой. Два изделия обошлись в два с половиной лян серебра.

Хозяин дома, человек отзывчивый, подсказал хорошую мебельную лавку. Узнав, что раньше жильцы спали на кане, он настоятельно советовал заказать кровати в первую очередь:

— Столы, шкафы да скамьи — дело житейское, они почти всегда есть в наличии, а нет — так сделают быстро. С постелью же иное: спать на полу в городе нельзя, от земли быстро холодом потянет, неровен час — занедужите.

Слова его подтвердились: на изготовление даже самой простой рамы требовалось не меньше двух дней.

В представлении Гу Чжао кровать была обычным деревянным ложем, но здесь ему предложили традиционные конструкции на четырех столбах. Сами по себе они были лишены изысков и резьбы: по углам высились четыре опоры, поддерживающие легкую решетчатую раму для полога.

Для обычного горожанина это была самая простая и дешевая модель. Богачи заказывали себе ложа на шести или восьми столбах, с резными дверцами-арками и отделкой из драгоценного наня или сандала.

Семья Ли остановилась на березе — древесине крепкой и долговечной. Поскольку и Чжоучжоу, и его отец были людьми рослыми, мебель заказали широкую, метр восемьдесят. За это пришлось накинуть пол-ляна сверху, иначе можно было бы уложиться и в два лян за обе штуки.

Эти траты стали основной статьёй расходов, остальное стоило дешевле. Четыре круглые табуретки по сорок вэней за штуку и такой же круглый стол заняли свое место в главной зале. К ним добавились два платяных шкафа, а также письменный стол и книжная полка для Гу Чжао — за всё про всё отдали еще полтора лян.

Таким образом, на обустройство ушло четыре лян серебра. Материалы для ремонта — кирпич, черепица, известь и древесина — вытянули еще один лян. Ли Да и Ли Чжоучжоу всё делали сами, так что на мастерах удалось прилично сэкономить.

Последний лян из оставшихся денег ушел на краску, бумагу для окон и кухонную утварь: большие чаны для воды, кадки для риса и муки, запасы зерна и мяса. Не забыли и про мелочи: тазы для умывания, полки, полотенца и даже зубной порошок.

Да, в округе Гу Чжао к своему восторгу обнаружил настоящие зубные щетки. Местные умельцы делали их из бамбука: в головке сверлили отверстия и вставляли туда пучки конского волоса. Порошок стоил дороже самих щеток — двадцать вэней за небольшую пузатую баночку из белого фарфора.

Увидев, как загорелись глаза мужа, Ли Чжоучжоу тут же достал кошелек.

— Давай и отцу возьмем, — заканючил Гу Чжао. — Будем всей семьей пользоваться. Негоже мне одному щеголять чистыми зубами, правда ведь?

Лечить зубы в это время было делом пугающим, поэтому профилактика стояла на первом месте. Еще в деревне Гу Чжао каждое утро тщательно чистил зубы ивовой веточкой, боясь кариеса как огня.

В итоге супруг купил три щетки и две баночки порошка. Гу Чжао в лавке вел себя словно настоящий смазливый юнец, рассыпаясь в любезностях:

— Мы с тобой будем пользоваться одной на двоих, а как закончится — купим еще.

Покупатели с любопытством поглядывали на молодую пару. Смущенный Ли Чжоучжоу поспешил расплатиться, а его муж, подхватив свертки, уверенно взял своего гэ'эра за руку и повел к выходу. Прохожим оставалось лишь гадать: кто из них в этой семье главный?

***

Шесть лянов были потрачены с толком. Теперь, лежа на новой березовой кровати, супруги обсуждали последние траты. Чжоучжоу повернулся на бок, глядя на мужа:

— Сянгун, тебе ведь пора в академию?

После получения звания сюэца нужно было в течение месяца отметить в управе, а затем с документами явиться в государственную академию. Молодой ученый уже успел заглянуть к чиновникам и поставить все нужные печати, так что теперь он мог приступить к занятиям в любой день. Учебный график здесь отличался от привычного Гу Чжао: отдыхали ученики по первым числам декад — первого, одиннадцатого и двадцать первого. В месяц выходило около трех дней отдыха.

«Если бы в месяце выдавалось тридцать первое число — это было бы просто чудесно», — подумал Гу Чжао.

— Неужто я тебе уже надоел, и ты хочешь поскорее выпроводить меня из дома? — он притянул супруга к себе, не желая выпускать из объятий.

Чжоучжоу весело прищурился:

— Сянгун снова болтает чепуху. Пока во дворе был беспорядок, ты оставался помогать, и я тебе за это благодарен. Но теперь мы обустроились, я и один со всем справлюсь.

— И совсем тебе не будет страшно? — Гу Чжао обхватил ладонями лицо мужа. — Ты должен сказать: «Муженек, мне будет так тебя не хватать!»

— Мне и впрямь будет тебя не хватать, — сердце Чжоучжоу наполнилось такой сладостью, что он, набравшись смелости, потянулся и мягко коснулся губ мужа. — Я буду скучать.

В комнате стало ощутимо теплее.

Позже Гу Чжао пришел к выводу, что кровать стоила своих денег. Работа была добротной: ложе не скрипело и не шаталось, оставаясь надежным и устойчивым. Настоящий ручной труд — вещь на века.

Он поцеловал Чжоучжоу в уголок губ. Тот всё еще пребывал в полузабытьи. С каких-то пор ласки мужа стали требовать от него куда больше сил, чем раньше. Супруг вспомнил их первую брачную ночь, когда Гу Чжао был совсем неопытным, и невольно улыбнулся. Сейчас, хоть мышцы и ныли от приятной усталости, он по привычке приобнял мужа, прижимая к себе.

— Не буду тебя больше мучить, спи, — прошептал Гу Чжао, устраиваясь в кольце его рук и заботливо поправляя одеяло.

Ли Чжоучжоу лишь невнятно угукнул и мгновенно провалился в глубокий сон.

***

Утро выдалось ясным. Солнечный свет пробивался сквозь свежую бумагу на окнах. Ли Чжоучжоу открыл глаза и потянулся. Это был их седьмой день в округе. Первое время из-за суеты они валились с ног и вставали с рассветом, но теперь, когда отец уехал, привычный ритм жизни сбился. В городе не было кур, и отсутствие утреннего крика петухов заставляло Чжоучжоу чувствовать себя так, будто он проспал всё на свете.

Он быстро оделся, перевязал волосы лентой и открыл окно, чтобы впустить свежий воздух. В этот момент послышался скрежет ключа в замке.

Гу Чжао вернулся с завтраком. Видя, как муж усердствовал ночью, он решил дать ему поспать

подольше.

— Проснулся? Как раз вовремя. Взял баоцзы — и с мясом, и с овощами, и соевое молоко.

Сючай сходил к лотку на углу со своей большой кружкой. Мясные баоцзы стоили три вэня, овощные — два, а простые маньтоу — всего один вэнь.

Чжоучжоу принял еду. Его муж не стал запираť ворота — в этом переулке соседи днем часто оставляли двери открытыми, если кто-то был дома. Впрочем, когда он уходил, супруг еще спал, так что осторожность была не лишней.

— Умойся и садись есть, пока горячее, — сказал Гу Чжао, расставляя завтрак на столе. — А после я схожу в академию.

Во дворе был колодец, и Чжоучжоу уже направился к нему, но Гу Чжао остановил его:

— Я уже набрал воды, она в тазу. И щетку твою приготовил.

Сердце супруга дрогнуло от такой заботы. На подставке и впрямь стоял таз с водой, а на щетку уже был нанесен зубной порошок.

— Поясница еще не болит? — невинным тоном поинтересовался Гу Чжао.

Ли Чжоучжоу, набрав в рот воды, не мог ответить и лишь смущенно покосился на мужа, раздув щеки.

— Я ведь просто забочусь о тебе, — тот сохранял самое серьезное выражение лица.

Выплюнув воду, Чжоучжоу честно признался:

— Еще немного ломит.

— Тогда отдохни сегодня побольше.

После завтрака Чжоучжоу хотел было приняться за уборку, но муж предложил ему прогуляться вместе.

— Пойдем со мной. Сегодня первое число, в академии выходной, там только дежурный наставник. Я отмечусь, и мы вернемся. Заодно дорогу запомнишь — будешь знать, где меня искать, если что случится.

Ли Чжоучжоу послушно переделся в чистое платье, и они заперли ворота.

Академия Цинпин находилась на склоне невысокого, живописного холма с тем же названием. Холм этот, поросший ивами, бамбуком и соснами, казался Гу Чжао скорее уютным парком, чем горой. В начале мая здесь было свежо и тенисто.

У входа высилась каменная арка с каллиграфической надписью «Академия Цинпин», начертанной, по слухам, самим её основателем. За воротами круто вверх уходила лестница в шестьдесят ступеней, ведущая к симметричному ансамблю зданий: главному корпусу и двум флигелям, где располагались учебные классы.

Чжоучжоу замер перед аркой. Снизу он видел лишь краешки крыш, но масштаб и величие этого места подавляли его. Это была не сельская школа и не частный кабинет в городке — здесь всё дышало важностью и достоинством. Он нерешительно сжал ладони:

— Сянгун, я дорогу запомнил. Подожду тебя здесь, не пойду внутрь.

— Хорошо, я быстро, — не стал настаивать Гу Чжао.

Он не знал местных правил — разрешено ли посторонним, а уж тем более гэ'эрам, заходить на территорию. Сюдай не считал мужа в чем-то хуже ученых мужей, но понимал, в каком мире они живут. Лишние косые взгляды или окрик дежурного наставника могли глубоко ранить Чжоучжоу, и юноша не собирался подвергать его такому унижению.

Внутри Гу Чжао быстро нашел дежурную часть и представился:

— Гу Чжао из деревни Сипин, уезд Нинсун. Линьшэн, третье место на весенних экзаменах.

Наставник сверил записи и выдал ему именную дощечку-пропуск, попутно разъясняя правила: быть в академии к семи утра, в четверть восьмого — начало занятий, в половине двенадцатого — обед, затем снова уроки и в пять вечера — окончание. Выходные по первым числам декад.

Поскольку Гу Чжао был линьшэном, ему полагалось шестьдесят цзинь риса в месяц. В академии его кормили бесплатно, за счет казенных субсидий. Конечно, на пиры в общей столовой рассчитывать не приходилось, но для экономного студента это было отличным подспорьем.

— Можешь приходить на занятия из дома, — подтвердил наставник. — Но пропуск не теряй.

Получив две смены формы — легкую на лето и подбитую ватой на холода — и причитающееся серебро, юноша расписался в реестре. Завтра начиналась его новая жизнь.

Он поспешил к воротам, боясь, что Чжоучжоу заскучает.

— Всё в порядке? — супруг бережно принял сверток с формой, боясь прикоснуться к ней своими мозолистыми руками.

— Всё хорошо. Это обычное платье из хлопка, почти такое же, как на нас, — подбодрил его Гу Чжао.

— Как же «такое же», — тихо возразил Чжоучжоу. — Это ведь одежда ученого мужа.

Обычно он во всём слушался мужа, даже когда тот позволял себе вольности в спальне, но в вопросах образования Гу Чжао был для него непререкаемым авторитетом. Ли Чжоучжоу смотрел на форму с таким благоговением и затаенным восторгом, что у юноши защемило в груди.

— Родной, хочешь, я научу тебя грамоте?

Чжоучжоу едва не выронил сверток от испуга:

— Что ты! Где это видано, чтобы гэ'эры читали? Не говори так больше, Сянгун, не ровен час — люди услышат, засмеют тебя.

— Пусть завидуют! — отрезал Гу Чжао. — Мой Чжоучжоу и собой хорош, и статен, и готовит так, что пальчики оближешь, и в математике соображает...

Уши супруга запылали. Разговор перетек в привычное русло: Гу Чжао принялся в шутку требовать, чтобы муж признал свои таланты, а тот лишь отнекивался, пока, вконец засмутившись, не выдавил из себя тихую похвалу в свой адрес.

***

Они возвращались домой через Гранатовый переулок, названный так из-за старого дерева в центре. На этой улочке жило около двадцати семей, и почти половина из них держала лавки: торговали лепешками с кунжутом, маньтоу, лапшой, уксусом и вином.

Новых жильцов уже заметили. Соседи видели, как во двор возили кирпич и вывозили мусор, и всю гадали, чем займутся новоселы. Тот факт, что они оставили одну лавку открытой, намекал на будущую торговлю. Владельцы съестных лавок переживали: не дай бог, конкуренты появятся!

Тётушка Сюй, торговавшая маньтоу, жила как раз по соседству. Она пыталась разведать обстановку у Ли Да, но тот лишь коротко буркнул, что занят, и уехал.

— Нелюдимый какой-то, — ворчала она потом.

— Ну и пусть, — отмахивалась её приятельница госпожа Чжоу. — Лишь бы стены не ломал да твой двор не занимал.

Поначалу соседи думали, что в дом въехали трое мужчин: отец и двое сыновей. Ждали, когда привезут невестку из деревни, и уже начали судачить о её лености — мол, мужчины сами всё отремонтировали, а барыня на готовое приедет. Каково же было их изумление, когда выяснилось, что высокий и крепкий «сын» — это и есть супруг-гэ'эр бледного ученого!

— Надо же, никогда таких великанов среди них не видела!

— Да точно тебе говорю, я своими ушами слышала, как этот беленький его ласково уговаривал, когда они зубной порошок покупали.

— А родинка-то у него есть? Что-то я не заметила.

— Да кто ж там разберет, он всё во дворе хлопочет, а как выходят — так мимоходом.

***

Было около десяти утра, когда Ли Чжоучжоу и Гу Чжао подошли к дому. Под гранатовым деревом возилась детвора: девчонки играли в веревочки, мальчишки копались в пыли. Один озорник подкрался к девочке и подкинул ей в волосы жука. Та с воплем бросилась во двор:

— Мама! Сяо Вэнь мне жука в косы засунул!

Из дверей вышла госпожа Чжоу, вытирая руки о фартук:

— Что за крик? Опять вы не поделили что-то? Саньнян, не плачь, сейчас я ему задам...

Увидев мать, девочка вдруг сникла:

— Мамочка, ты только не ругай Сюй Вэньбиня сильно...

— Вот еще! Сама прибежала жаловаться, а теперь защищаешь, — проворчала госпожа Чжоу.

Она вышла за порог, но Сяо Вэнь уже и след простыл. Женщина лишь вздохнула, глядя на дочь, и тут заметила возвращающихся соседей. Она решила, что пора познакомиться, но взгляд её упал на сверток в руках Чжоучжоу.

Она узнала эту ткань. Такие халаты носили только ученики академии Цинпин.

«Так он — сюцай!» — пронеслось в её голове. Отношение мгновенно сменилось на глубочайшее почтение.

— Доброго вам утра! — окликнула она их с радушной улыбкой. — Всё хотела зайти, да видела, что вы в делах. Теперь-то обустроились? Мы ведь соседи, должны держаться вместе.

Она указала на свой дом:

— Мы тут укус делаем. Если понадобится для кухни — заходите, всегда рады. Простите мне мою прямоту, привыкла всё по делу говорить.

Ли Чжоучжоу вежливо ответил:

— Здравствуйте.

— Ох, совсем забыла представиться! Мой муж из семьи Чжан, а я — из семьи Чжоу. Мы постарше вас будем, так что зовите меня просто — Чжан-цзя-дэ.

— Очень приятно, — ответил Чжоучжоу. — Меня зовут Ли Чжоучжоу, а это мой муж, его фамилия Гу.

Невестка Чжан на мгновение опешила. «Почему он Ли, а муж — Гу? Ведь дом-то снимал Ли Да...» — подумала она. В переулке все считали, что Гу Чжао и Ли Да — отец и сын, а Чжоучжоу — взятый в дом супруг.

Гу Чжао, заметив её замешательство, с легким поклоном пояснил:

— Вы, верно, ошиблись, Чжан-цзя-дэ. Тот почтенный человек, что уехал вчера — это тесть мой. Мы живем в доме семьи Ли, ведь я — чжуйсуй, вошедший в их род. А Чжоучжоу — глава нашего дома.

Ли Чжоучжоу едва не вскрикнул от смущения. «Ну зачем он опять это говорит при посторонних!» — мелькнуло в голове. В деревне это было нужно для защиты, но здесь-то он — уважаемый ученый! Супруг боялся, что над Гу Чжао станут смеяться.

Улыбка госпожи Чжоу на миг застыла.

— Ах... вот оно что... — пробормотала она. — Понимаю, понимаю...

Она еще что-то лепетала вслед, когда пара скрылась за своими воротами. Войдя в дом, она долго молчала, пока муж не окликнул её.

— Ты чего застыла?

— Да вот, встретила новых соседей, — наконец отозвалась она. — И кто бы мог подумать... Этот бледный юноша — сюцай из самой академии Цинпин!

Муж тоже изумился:

— Гляди-ка, теперь и в нашем Гранатовом переулке ученый живет! Это к удаче. Может, и у нас скоро четвертый родится, глядишь — в люди выйдет...

— Типун тебе на язык! — прикрикнула на него жена. — Ты не дослушал. Сюцай-то он сюцай, да только в дом Ли он вошел как муж-зять, чжуйсюй. Принял их фамилию и сторону.

Муж госпожи Чжоу замер с открытым ртом.

— Быть не может... — выдавил он. — Каким бы ученым он ни был, а пойти в чжуйсюй... Нет, если у нас четвертый родится, такой доли я ему не пожелаю. Позор-то какой!

<http://bllate.org/book/15349/1427375>